ПРОБЛЕМА СПРАВЕДЛИВОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Руденкин В.Н.

доктор политических наук, профессор, проректор по научной работе, заведующий кафедрой социально-политических наук, Уральский институт экономики, управления и права (Россия), 620026, Россия, г. Екатеринбург, ул. Луначарского, д. 194, rudenkin@mail.ru

УДК 342
ББК 67.400.22

Цель. Выявление и анализ причин актуализации проблемы социальной справедливости в современном российском обществе и предлагаемых путей ее решения.

Методология и методы. Проанализированы представления россиян о социальной справедливости на основе изучения данных социологических опросов. В качестве основных методологических подходов используются теория плюралистической демократии и теория «заинтересованных групп». Эмпирическую базу работы составил вторичный анализ данных.

Результаты. Обоснован вывод о конкретно-историческом и конвенциональном характере социальной справедливости, а также о необходимости проведения общественных дискуссий по данной проблеме с целью выработки и сохранения базового ценностного консенсуса. Выявлена неразрывная взаимосвязь проблемы социальной справедливости с различными видами неравенств (экономическим, правовым, политическим). Показано, что большие масштабы распространения «политической бедности» приводят к деформации публичной сферы и, как следствие, к недостаточному учету интересов больших социальных групп в принимаемых государством решениях.

Научная новизна. Раскрыты причины и следствия «политической бедности» в современной России как одного из факторов, актуализирующих проблему социальной справедливости в массовом сознании; обоснован вывод о взаимосвязи проблемы социальной справедливости с характером отношений государства и гражданского общества.

Ключевые слова: государство, гражданское общество, неравенство, «политическая бедность», публичная политика, справедливость.

Rudenkin V.N.

PROBLEM OF JUSTICE IN THE MODERN RUSSIAN SOCIETY

Pupose. To identify and analyze the causes of actualizing a social justice problem in the modern Russian society and the ways of its solution.

Methodology and methods. The author has analyzed the idea of the Russian people about social justice on the basis of research of sociological poll data. As the main methodological approaches the author uses the theory of pluralistic democracy and the theory of "interested groups". The secondary analysis of data is an empirical basis for the research.

Results. The author has proved the conclusion on definite-historical and conventional character of social justice, about the urgency of public discussions on that issue aimed at the development and preserving of the basic asset consensus. The author has defined inextricable connection between the social justice problem and various types of injustice (economic, legal, and political). The author has shown that a large scale of "political poverty" bring to deformation of public sphere and, as a consequence, to insufficient consideration for other large social groups in decision-making by the government.

Scientific novelty. The author has revealed the reasons and consequences of 'political poverty" in modern Russia as one of the factors actualizing a social justice problem in mass consciousness; he also has substantiated the conclusion on interrelation of the social justice problem and character of relationship between the state and civil society.

Key words: state, civil society, inequality, "political poverty", public policy, justice.

Актуальность проблемы справедливости

Проблема социальной справедливости — одна из наиболее актуальных и в то же время наиболее сложных проблем современного мира. О ней говорят и спорят политики, ученые, журналисты, рядовые граждане. Тема справедливости занимает важное место в программах политических партий, общественных

© Руденкин В.Н., 2014

движений, неправительственных организаций. Проводится большое число социологических исследований, научных конференций, посвященных проблеме справедливости; появляется все больше монографий и статей, авторы которых предлагают свое видение проблемы справедливости в современном мире и пути ее решения.

Не будет преувеличением сказать, что проблема социальной справедливости приобрела глобальный характер. Свой ежегодный доклад о мировом развитии за 2006 г. Всемирный банк озаглавил «Социальная справедливость и развитие». Авторы доклада отмечают, что существующие во многих странах мира колоссальные «различия в жизненных шансах, зависящие от национальности, расы, пола и социальной группы, поразят многих читателей масштабами лежащей в их основе несправедливости. Кроме того, они приводят к растрачиванию человеческого потенциала и, следовательно, упущенным возможностям в области развития». Главную идею доклада авторы видят в том, что «справедливость в некоторых основополагающих аспектах служит дополнительным фактором стремления к долгосрочному благосостоянию. Институты и политика, содействующие созданию равных условий, в которых все члены общества имеют одинаковые шансы на социальную активность, политическое влияние и экономическую эффективность, способствуют устойчивому росту и развитию. Укрепление справедливости, таким образом, вдвойне важно в борьбе с бедностью: благодаря благоприятному воздействию на долгосрочное развитие в целом и расширению возможностей для беднейших групп населения в любом обществе» [1, с. 1].

Проблема справедливости вызывает большой и быстро растущий в последние полвека интерес ученых — в первую очередь зарубежных. Так, в англоязычных журналах по философии, социологии, психологии и религиоведению количество статей, имеющих в названии слово «справедливость» (*justice, fairness, equity*), еще в 1951–1960 гг. составляло 277, а в 2001–2010 гг. достигло 2317 (почти в 30 раз больше, чем за тот же период в России). Однако в последние годы интерес к проблеме справедливости заметно вырос и у российских ученых. Если в течение 1991–2000 гг. в изданиях, включенных в электронный ресурс EastView, появилось всего 5 публикаций российских ученых, содержащих в названии слово «справедливость», то в следующее десять лет (2001–2010 гг.) их было уже 80 [2, с. 72].

И, конечно, проблема справедливости не может не беспокоить политиков: они обязаны реагировать на исследования и рекомендации ученых, но в еще большей степени — на общественное мнение, в котором эта проблема занимает далеко не последнее место. Утрата обществом уверенности в справедливость общественного и государственного устройства может создать серьезные проблемы, привести к росту общественного недовольства и протестной активности, в чем ни одна власть, разумеется, не заинтересована.

О том, насколько важна справедливость для российского общества, неоднократно говорил Президент России В.В. Путин. Выступая на съезде «Единой России» в ноябре 2011 г., В.В. Путин заявил, что «сегодня очевиден главный запрос граждан России — обеспечить справедливость в самом широком смысле этого слова» [3]. В своих предвыборных статьях он писал о том, что «общество будет успешным, только когда у наших граждан не будет сомнений в его справедливости» [4]; что «справедливое устройство общества, экономики — главное условие нашего устойчивого развития в эти годы» [5]. В своем выступлении в октябре 2013 г. на Инвестиционном форуме «Россия зовет!» В.В. Путин заявил: «Власть должна быть сильной, последовательной и справедливой» [6].

Такие заявлении главы государства представляются совершенно не случайными. Проблема справедливости в современной России действительно приобрела особую актуальность. Данные социологических опросов свидетельствуют о том, что «справедливость» входит в первую пятерку наиболее важных для россиян ценностей. Так, согласно одному из опросов ВЦИОМ, скорее положительные чувства у россиян вызывают такие слова-символы, как «порядок» (58%), «справедливость» (49%), «стабильность» (38%), «достаток» (37%), «свобода» (37%), «патриотизм» (35%), «русские» (34%), «права человека» (33%), «труд» (31%), «успех» (31%). Важно при этом отметить, что электораты ведущих политических партий практически единодушны в своих позитивных оценках этих понятий. Отрицательные эмоции эти слова-символы вызывают не более чем у 3 % опрошенных [7].

Упоминание «справедливости» в числе наиболее значимых ценностей россиян — во многом закономерная реакция общества на последствия посткоммунистических реформ, которые для значительного числа людей оказались слишком болезненными. Чрезмерная дифференциация доходов, несправедливая приватизация, правовая и социальная незащищенность, неравенство перед законом — эти и другие реалии жизни современной России привели к тому, что значительное число россиян испытывает острое чувство социальной несправедливости сложившейся в стране общественной модели. По свидетельству социологов, именно это чувство является самым распространенным по частоте его переживания [8, с. 18]. Неудивительно поэтому, что лишь 12 % опрошенных социологами Фонда «Общественное мнение» в ноябре 2011 г. сказали, что современное российское общество в целом устроено справедливо, тогда как 61 % опрошенных заявили, что оно в целом устроено несправедливо (еще 27 %

затруднились ответить). При этом большинство россиян считает, что современное российское общество устроено менее справедливо, чем западное и советское общества [9, с. 28–31].

В марте-апреле 2012 г. Институт социологии РАН в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Ф. Эберта в РФ провел общероссийское социологическое исследование на тему «Русская мечта: какая она и может ли осуществиться?». Социологи предложили респондентам ограниченный набор альтернатив, из которых они могли выбрать определенное число позиций, характеризующих их мечтания. Его результаты представляются очень интересными. Первые три места в списке того, о чем мечтают россияне, заняли следующие ответы (допускалось до трех вариантов ответа): «жить в достатке, иметь возможность тратить деньги, «не считая копейки»» (40%); «иметь хорошее здоровье» (33%); «жить в более справедливом и разумно устроенном обществе» (33%), составляющими которого являются социальная справедливость, равные права для всех, сильное государство, заботящееся о своих гражданах. Как отмечают авторы исследования, первые две мечты «просты и понятны каждому, их притягательность закономерна, особенно в условиях широкого распространения малообеспеченности в современной России. Этого, однако, нельзя сказать о третьей популярной в России мечте — «жить в более справедливом и разумно устроенном обществе» (33%). Какой бы ни была мотивация человека при выборе подобного ответа на вопрос о его мечтаниях, он вполне сознательно использовал одну из трех возможностей выбора именно данной мечты, которая от его личной жизни, казалось бы, далека» [10, с. 22].

Казалось бы, вот она — консолидирующая общество национальная идея, о которой так долго говорят и спорят политики, ученые, журналисты! По словам директора Института социологии РАН М.К. Горшкова, великую русскую мечту можно выразить одним словом — и «это будет слово «справедливость». Как на «высшем уровне», когда речь идет об идеальном устройстве государства, так и «для себя» — чтобы людям воздавалось по заслугам, чтобы они имели равные шансы и их дети были «не хуже других». О социальной справедливости мечтают 45 % граждан, ни один лозунг не набирает столько голосов. Если мы говорим о национальной идее, то вот она, можно долго не искать. Наши сограждане мечтают жить в справедливом и разумно устроенном обществе, где вознаграждаются добродетель и труд, где доходы соответствуют квалификации, где все равны перед законом и могут реализовать свои жизненные шансы» [11].

Если это так, дело за малым — воплотить мечту о справедливости в реальность. Однако, судя по всему, сделать это будет очень непросто — как минимум, по двум причинам. Во-первых, вследствие многозначности термина «справедливость», что порождает у многих ученых сомнения в продуктивности самой этой идеи. Во-вторых, мечта о жизни в справедливом и разумно устроенном обществе вовсе не гарантирует готовности граждан своими реальными действиями способствовать практическому воплощению этой мечты. А без такой готовности у «сказки» немного шансов стать «былью». Рассмотрим эти причины более подробно.

Конвенциональный характер справедливости

Какой бы смысл ни вкладывали политики или ученые в понятие «справедливость», оно остается одним из самых «загадочных» и многозначных. Однако при этом оно несет в себе несомненную позитивную смысловую нагрузку. Например, трудно представить политика (да и просто обычного человека), который бы выступал с публичными призывами к несправедливости. Трудно спорить и с тем, что у каждого человека (группы людей) — собственное представление о справедливости. Так, по мнению известного российского политолога-американиста Н. Злобина, «справедливость всегда носит конкретный исторический и социальный характер. То, что справедливо для одного человека или социальной группы, то может оказаться вопиющей несправедливостью для кого-то другого. Посмотрите, например, на международное право или традиции кровной мести в разных культурах мира. Это, кстати, отлично понимали, например, марксисты-ленинцы, которые в свое время придали понятию справедливость сугубо классовый характер» [12].

Ученый обращает внимание на разницу менталитета американцев и россиян: «Американцы признают главенство закона, мы уповаем на справедливость. Но её одну на всех никогда не установить. Её даже в Библии нет. Справедливость — не один стандарт для всех… В жизни любого человека много стандартов. Строить «справедливое государство» — значит, открыть ящик Пандоры. Я противник поиска модели в рамках разговоров о справедливости. России нужна правовая система, которая пользуется поддержкой общества, и равенство перед законом. Оно не означает полного торжества справедливости, поскольку люди все разные, но облегчает реализацию закона» [13].

Казалось бы, более чем убедительные аргументы, с чем тут спорить? Однако убедительными они выглядят только на первый взгляд.

Во-первых, социальная справедливость вовсе не исключает главенства закона, более того, — имманентно его предполагает. Не случайно латинское слово yustitia переводится на русский язык именно как «справедливость», «законность».

Во-вторых, из того факта, что разные социальные группы имеют разные представления о социаль-

ной справедливости, вовсе не следует, что эти представления *полностью исключают* друг друга и не могут хотя бы частично пересекаться.

В-третьих, — и это, пожалуй, самое главное, — справедливость всегда является важным элементом общественного консенсуса и имеет конкретно-исторический и *конвенциональный* характер. Иными словами, *что* общество в данный исторический момент времени посчитает (договорится считать, признает) справедливым, тому таковым и быть — нравится это кому-то или нет. В каждый конкретный исторический момент любое общество вырабатывает и поддерживает собственное понимание справедливости. Ученые могут быть с ним не согласны, указывать на его «неправильность», находить логические уязвимости и т.д. — это ровным счетом ничего не меняет. Во всяком случае до тех пор, пока в силу ряда причин общество не скорректирует свои представления о справедливости и не «переформатирует» общественный договор, частью которого они и являются. Возьмем для примера те же США. Были времена, когда рабство в этой стране вовсе не считалось предосудительным и нарушающим принципы справедливости. Потом эти представления американцев о справедливости претерпели кардинальные изменения, хотя еще более века чернокожие в США продолжали оставаться фактически гражданами второго сорта — и многие белые американцы считали это вполне справедливым.

Вот почему дискуссии о справедливости всегда будут иметь место. Хотя бы потому, что жить с ощущением несправедливости происходящего вокруг очень трудно. Актуализация проблемы справедливости происходит, как правило, в результате нарастания глубоких социальных противоречий, а потому и государству, и обществу следует не только обсуждать эту проблему, но и совместными усилиями искать пути ее решения. Это намного более продуктивная позиция, нежели отказ от самой идеи подобного обсуждения на том основании, что справедливость — «не один стандарт для всех», что «её одну на всех никогда не установить».

Несправедливые неравенства

Дискуссии о справедливости в современном российском обществе необходимы как минимум по двум причинам. Первая из них заключается в том, что в обществе существует достаточно большой разброс мнений относительно того, что считать справедливым, а что — нет. И очень важно, чтобы представители различных социальных групп не только имели возможность публично выражать и отстаивать свое понимание справедливости, но и проявляли готовность слушать и слышать своих оппонентов, признавать за ними право на иное понимание справедливости, идти на компромиссы. Только при этом условии можно выработать новый ценностный консенсус, без которого невозможны ни политическая стабильность, ни прочный гражданский мир.

Дополнительную актуальность такого рода дискуссиям придает переходный (транзитный) характер современного российского общества. На смену ценностному консенсусу, который объединял советских людей, пока не пришел его современный российский аналог, хотя контуры его, можно сказать, в общем и целом определились. Однако упоминавшееся выше «переформатирование» общественного договора — процесс небыстрый и отнюдь не беспроблемный. Он как раз и требует публичного сопоставления разных мнений, подходов, на основе которого только и возможна выработка нового ценностного консенсуса. Дополнительную актуальность такому обсуждению проблемы справедливости придает то обстоятельство, что «в транзитивных обществах слова значат гораздо больше, чем кажется. В силу повышенного разнообразия конкурирующих между собой картин мира любое идеологически, культурно нагруженное понятие («заразительная идея», говоря словами В.М. Бехтерева) конкретизируется контекстуально, дискурсивно, утрачивая однозначность и способность к «выравниванию» смыслов: оно только усугубляет социальную конкуренцию за право определять и диктовать «подлинное», «действительно истинное» понимание происходящих трансформаций. Процедуры понимания справедливости в данном случае имеют принципиально разную направленность: с одинаковой степенью убедительности справедливость может означиваться либо в сопряжении с идеалом свободы и равенства, либо в сопряжении с тяготами социальной ответственности, либо в связке с «сожалением о прошлом», о «неверно» когда-то выбранном пути развития» [14, с. 74].

Это действительно так. Достаточно проанализировать программные документы российских политических партий, в которых находят отражение представления о справедливости различных социальных групп и предлагаются варианты ее утверждения в реальной жизни. Разумеется, и суть проблемы, и предлагаемые пути ее решения партии понимают по-разному. Однако, несмотря на более чем очевидную актуальность проблемы справедливости, она до сих пор так и не стала частью современной российской «политической повестки». Как справедливо констатирует российский ученый Г.Ю. Карнаш, «в России в силу ряда причин до сих пор не возникло полноценной дискуссии об основаниях общественного устройства» [15, с. 342]. То ли партии не «угадывают» общественные предпочтения (представления «своих» электоратов о справедливости); то ли рассматривают их не более чем как ресурс мобилизации электоральной поддержки, вовсе не собираясь следовать ему в реальной по-

литической практике; то ли просто не находят достаточной поддержки избирателей, которых затронул бы их «дискурс справедливости»; то ли сами избиратели, которые мечтают о справедливости, не особенно верят в возможность практической реализации этой мечты — с равной вероятностью можно допустить любое из этих объяснений. Но факт остается фактом: острота проблемы справедливости в современном российском обществе, несмотря на партийно-идеологические споры, в последние годы не только не снизилась, — значительно возросла.

Социологические опросы тоже не всегда дают достоверную картину. Многое зависит от используемых социологами методологии и методов исследования (открытые или закрытые вопросы предлагались респондентам, касались ли они справедливости вообще или социальной справедливости, какое количество вопросов задавалось респондентам и т.д.). В качестве примера анализа социологических опросов, посвященных проблеме справедливости, можно привести глубокую и содержательную статью М.Ю. Урнова. По мнению ученого, в массовом сознании не следует искать адекватного осмысления понятия «справедливость»: анализ содержащихся в ответах респондентов общих представлений о справедливости «позволяет выявить основные контуры семантического поля, в котором оно на данный момент существует», однако не позволяет получить глубокой и целостной картины. Эти слабости ученый компенсирует, используя метод *«реконструкции представлений о справедливости по имеющимся в социологических опросах частным суждениям о том, что справедливо, а что — нет…* Человек, затрудняющийся дать определение справедливости в целом, в большинстве случаев может достаточно легко сказать, в чем она состоит в конкретной ситуации» [2, с. 72]. И к какому же выводу пришел автор? Да, в общем, примерно к тому же, к которому приходят исследователи «партийно-идеологического» дискурса справедливости: «Проведенный анализ показывает, что сегодня в российском общественном мнении нет единства представлений о справедливости. Существующие воззрения зачастую противоречат друг другу» [2, с. 85].

Это, конечно, нисколько не умаляет значимости той работы, которую делают социологи. Ценность социологических опросов, равно как и теоретического анализа и интерпретации получаемых в их ходе результатов, состоит в том, что они позволяют, с одной стороны, очертить проблемное поле (с чем связывают респонденты понятие «справедливость»?); с другой стороны, выявить наиболее значимые, с точки зрения респондентов, ее проявления, степень общественного согласия относительно того, *что* в первую очередь считать справедливостью. Сами по себе результаты опросов, конечно, не способны оказать существенного влияния на утверждение в обществе принципов справедливости, однако они способны привлечь внимание органов власти и общества к актуальной проблеме и при определенных условиях подтолкнуть их к практическим шагам в соответствующем направлении.

Какой же смысл вкладывают россияне в понятие «справедливость» («социальная справедливость»)? Исследования социологов не подтверждают широко распространенное мнение о якобы «уравнительском» характере российского менталитета и показывают, что отношение россиян к понятию «справедливость» является многозначным и многоаспектным. Наиболее значимым проявлением социальной справедливости относительное большинство россиян (36%) считает равенство всех граждан перед законом. Каждый пятый опрошенный (20%) видит социальную справедливость в том, чтобы «уровень жизни всех был бы примерно одинаковым, не было ни богатых, ни бедных»; далее, в порядке убывания — «чтобы каждый мог достичь того, на что способен» (13%); «чтобы положение каждого члена общества определялось его трудовыми усилиями» (12%); «в гарантиях для социально незащищенных, в социальной ответственности богатых» (11%); лишь 6 % респондентов заявили, что «никакой социальной справедливости в обществе не было и никогда не будет». Примечательно, что наименьший разброс оценок среди электоратов всех партий (в том числе непарламентских), а также абсентеистов и затрудняющихся ответить на вопрос о своих партийных предпочтениях наблюдается по двум позициям — «равенство всех граждан перед законом» и «чтобы положение каждого члена общества определялось его трудовыми усилиями» [16].

Высокий уровень имущественного неравенства, в основе которого лежат несправедливые социальные практики; неравенство граждан перед законом и судом; неравенство в доступе к медицинским услугам — наиболее важные и болезненно воспринимаемые россиянами виды неравенств и проявлений социальной несправедливости. Подавляющее большинство россиян (83%) считает слишком большими, чрезмерными существующие различия в доходах; две трети считают несправедливой сложившуюся систему распределения частной собственности и столько же — что люди не получают достойного вознаграждения за свой труд; при этом более половины опрошенных (54%) отмечают, что последнее утверждение относится и к ним лично. По их мнению, с учетом имеющейся у них квалификации и тяжести их труда они получают на работе значительно меньше, чем того заслуживают. Причем «*существующие сегодня в России социальные неравенства кажутся несправедливыми всем слоям населения, независимо от их уровня жизни и динамики их личного благополучия*» [17, с. 18]. Именно чрезмерное и нелегитимное (в оценках россиян) имущественное неравенство предстает как самое очевидное и непри-

емлемое нарушение социальной справедливости. Причем острота этой проблемы в последние годы только нарастает: если еще пять-шесть лет назад колоссальный разрыв в уровне и качестве жизни между богатыми и бедными включали в число самых нетерпимых проблем 43 % россиян, то в 2013 году — уже 53 % [18].

Дело еще и в том, что все большее число россиян связывает причины богатства не столько с собственными усилиями человека (например, с умением использовать все возникающие шансы; с работой без оглядки на время и здоровье; с наличием высокой квалификации, знаний), сколько с наличием нужных связей, знакомств, а также с фактором везения, удачи. Россияне спокойно относятся к достаточно глубокому неравенству доходов, если оно связано с разницей в квалификации, образовании, эффективности труда или получением наследства; и в то же время они не приемлют несправедливые способы обогащения.

«Политическая бедность»

Проблема социальной справедливости неразрывно связана не только с избыточным имущественным неравенством, с неравными возможностями доступа к важнейшим социальным благам и неравенством граждан перед законом, но и с неравенством политическим, которое проявляется в неодинаковых возможностях различных социальных групп влиять на принятие важных для страны (региона, города, населенного пункта) решений. А между тем эти измерения избыточного социального неравенства неразрывно связаны друг с другом: низкий уровень общественно-политической активности граждан является одним из факторов, затрудняющих поиск эффективных решений проблем избыточного имущественного и правового неравенств.

Избыточные (и несправедливые, в оценках населения) экономическое и правовое неравенства и неразрывно связанное с ними политическое неравенство порождают у людей, не входящих в верхние слои общества, целую цепочку негативных чувств — ощущение социального аутсайдерства, беспомощности, недовольство, обиду, разочарование, тревогу, растерянность, агрессивность и т.д. Неудивительно поэтому, что многие граждане оценивают свое государство как «социально несправедливое», действующее преимущественно в интересах бюрократии и влиятельных олигархических групп. И эти чувства и оценки имеют под собой серьезные основания: как справедливо отмечают авторы упоминавшегося выше Доклада о мировом развитии-2006, «при высоком уровне экономического и политического неравенства обычно экономические институты и социальные условия систематически действуют в интересах более влиятельных групп. Такие несправедливые институты способны приводить к экономическим потерям, когда личные и имущественные права обеспечиваются избирательно, бюджетные ассигнования выделяются главным образом тем, кто обладает политическим влиянием, предпочтение при распределении общественных услуг предоставляется богатым, а таланты средних и беднейших групп населения остаются невостребованными. Общество в целом тогда становится менее эффективным и упускает возможности для инноваций и инвестиций» [1, с. 2].

Для обозначения политического неравенства ученые даже придумали специальный термин — «политическая бедность». В научный оборот его ввел американский политолог Дж. Бохман, по мнению которого «политическая бедность» проявляется в «неспособности каких-то групп граждан эффективно участвовать в демократическом процессе и в обусловленной этим уязвимости перед последствиями намеренно или ненамеренно принимаемых решений» [Цит. по: 19, с. 973]. Следствием «политической бедности» становится неспособность граждан представлять своё мнение и интересы ни в обществе, ни в государстве, т.е. быть полноправными и влиятельными участниками публичной сферы, в которой происходит обсуждение важнейших проблем общества и поиск вариантов их решения. Порогом «политической бедности» Дж. Бохман считает именно способность-неспособность той или иной общественной группы инициировать обсуждение проблем, затрагивающих её интересы, и предостерегает власть от ошибочного восприятия пассивности граждан как согласия с проводимой ею политикой.

«Политическая бедность» оборачивается сужением пространства публичной сферы, недопредставленностью в ней целых сегментов групповых интересов. Неготовность общественных организаций заставить государство воспринимать себя в качестве его равноправных партнеров приводит к тому, что политика приобретает преимущественно «монологовый» характер, а многие важные решения разрабатываются и принимаются без предварительной апробации в виде широкой общественной дискуссии с участием всех заинтересованных сторон.

Следствием застойной «политической бедности» становится также нарастание в обществе энергии социального недовольства и протеста. Не выходя открыто в публичную сферу, она проявляется в росте масштабов социально-девиантного поведения больших групп населения. Следует также учитывать, что отсутствие массовых акций протеста вовсе не обязательно является свидетельством согласия общества с проводимой государством политикой и готовности ее поддерживать. Это может быть просто следствием глубоко укорененной в массовом сознании ценностной установки: какой смысл митинговать (бастовать), если

мы все равно ничего изменить не можем? Но общественно-политическая апатия — вещь коварная: она может долгое время успешно «маскировать» упоминавшиеся выше негативные чувства, порождая тем самым иллюзию стабильности и внешнего благополучия, но которые, подспудно накапливаясь, вполне могут в определенный момент спровоцировать людей на активные протестные действия.

Готово ли общество к «борьбе за справедливость»?

Исследования социологов показывают, что в настоящее время большинство россиян не особенно верят (или вовсе не верят) в возможность реализации мечты о жизни в справедливом и разумно устроенном обществе. Разрыв в уверенности в возможности реализации такой мечты между тремя нижними (нищие, представители глубокой бедности, собственно бедные) и двумя верхними (обеспеченные, состоятельные) стратами необычайно велик — практически восьмикратный (7 % и 55 % соответственно). Что же касается представителей 4–8 страт (нуждающиеся, малообеспеченные, среднеобеспеченные), составляющих свыше 80 % населения России, то оптимистов (т.е. уверенных в осуществимости мечты о жизни в справедливом и разумно устроенном обществе) среди них чуть более трети — 36 % **[10, с. 267].**

Большинство россиян, выражающих недовольство многочисленными проявлениями несправедливости, не изъявляют готовности личными усилиями содействовать их устранению. В целом ученые весьма скромно оценивают мобилизационный потенциал запроса на социальную справедливость. Причины этого они видят не только в том, что он главным образом адресован государству, но и в том, что «стремление к справедливости в современной России практически никак не сопряжено с солидарностью, готовностью за эту самую справедливость бороться» [20, с. 22], в низком потенциале субсидиарности, неразвитости чувства общности с людьми, живущими в том же населенном пункте, в той же местности, неготовности к солидарным действиям по защите своих групповых интересов [21, с. 102–103].

Это сильно отличает Россию от развитых демократий, в которых утверждение и поддержание в обществе принципов социальной справедливости — во многом заслуга общественных (неправительственных) организаций, которые являются важнейшими институтами артикуляции (выражения) интересов различных социальных групп (их так и называют — «группы интересов», «заинтересованные группы»). Ассоциации работодателей, профсоюзы, ветеранские, молодежные, женские, правозащитные, экологические и множество других подобных организаций постоянно выявляют (уточняют, корректируют) интересы соответствующих социальных групп и в случае необходимости транслируют их в публичную сферу, привлекая к ним внимание органов власти различных уровней, настаивая на учете ими этих интересов при разработке и принятии политических решений. Тем самым общественные организации играют роль важнейшего связующего звена между властью и гражданами.

В России таких организаций тоже много. По данным Минюста России, на 1 января 2013 г. в нашей стране было зарегистрировано 104949 общественных объединений, 32334 профсоюза, 988 национально-культурных автономии, 87028 некоммерческих организаций [22, с. 7]. Казалось бы, внушительная сила? Однако этот огромный потенциал используется явно недостаточно, в том числе — по причине недоверия граждан к таким организациям. По данным социологических опросов, подавляющее большинство россиян не являются членами общественных организаций и никакого участия в их работе не принимают. Но дело, конечно, не только в недоверии граждан к общественным организациям. Не менее важным фактором, сдерживающим развитие гражданского общества, является низкая гражданская самооценка, неверие людей в то, что их личное участие в политической или общественной жизни способно что-либо изменить в деятельности различных социальных институтов. Такая ценностная установка закономерно приводит к отчуждению граждан от этих институтов. Большинство людей предпочитают занимать привычную для них позицию «зрителя», предпочитая делегировать полномочия (равно как и ответственность за происходящее в стране) властным элитам. Сказывается и предубеждение чиновников по отношению к общественникам, настороженное отношение к любым проявлениям «живого творчества масс», понимание общественно-политического участия как исключительно участия в выборах.

Значит ли это, что мечта россиян о социальной справедливости неосуществима? Однозначный ответ на этот вопрос дать трудно. Многое будет зависеть от позиции государства, от его готовности слушать и слышать голос гражданского общества, реагировать на исходящие от него общественные запросы, поддерживать с ним подлинно партнерские отношения.

Не менее важно, какую позицию займет гражданское общество, базовые структуры которого «могут стать основой для мобилизации демократических сил и их активного участия в процессе модернизации политической и общественной жизни, тем более что это соответствует ожиданиям и настроениям большинства населения страны» [20, с. 22]. Могут, конечно, и не стать — в таком случае придется либо уповать на государство, либо смириться с тем, что мечта о справедливо устроенном обществе так и останется мечтой.

И все же, думается, в России имеются некото-

рые предпосылки для того, чтобы постепенно преодолеть те преграды, которые стоят на пути утверждения в обществе принципов социальной справедливости — избыточное неравенство в экономической, правовой и политической сферах. Первоочередной задачей в этом плане видится преодоление именно «политической бедности». Решение этой задачи позволит добиться реализации как минимум двух целей.

Во-первых, широкое вовлечение неправительственных организаций, представляющих интересы массовых слоев общества, в процесс обсуждения актуальных проблем будет способствовать более полному учету групповых (в первую очередь социально-экономических) интересов в принимаемых государством решениях, а, следовательно, постепенному преодолению чрезмерного (и оцениваемого населением как несправедливого) социально-экономического неравенства. Важно также продолжить работу по созданию и расширению правовой базы гражданского участия — в частности, принять закон об общественном контроле, создать постоянно действующий механизм общественной экспертизы социально-значимых законодательных актов с привлечением экспертов НКО. Об этом говорил в своем Послании Федеральному Собранию РФ Президент России В.В. Путин 12 декабря 2013 г.: «Современной России необходима широкая общественная дискуссия, причём с практическими результатами, когда общественные инициативы становятся частью государственной политики и общество контролирует их исполнение. Считаю, что все законопроекты, ключевые государственные решения, стратегические планы должны проходить гражданское, так называемое «нулевое», чтение с участием НКО, других институтов гражданского общества» [23].

Во-вторых, само участие организаций гражданского общества в обсуждении и выработке государственных решений позволит им почувствовать себя реальными субъектами политической жизни, а государство, в свою очередь, получит в их лице надежного союзника, не только участвующего в выработке политического курса, но и готового наряду с ним нести ответственность за его реализацию. Как справедливо отмечает руководитель Центра комплексных социальных исследований ИС РАН В. Петухов, «связка между экономическими и политическими интересами возникает, когда запросы отдельных групп становятся значимыми для всего общества. Этого в России не видно, даже когда затронуты коренные социально-экономические права людей. Крайне слабо выражена общественная солидарность, абсолютно закрытым и непрозрачным остается корпоративный сектор рынка труда — в основном за счет «сращивания» крупного бизнеса и властных структур. Когда конфликты все-таки выплескиваются наружу, как это было в том же Пикалево, «разруливать» их приходится первым лицам страны, что явно ненормально для демократического государства» [18].

Важно отметить, что подобные «пикалевскому» спонтанные выплески социальной агрессии являются прямым следствием неработающих обратных связей между государством и гражданским обществом, своеобразным «жестом отчаяния» со стороны граждан, которые не могут иным способом «достучаться» до властей. Вот почему выстраивание социально-партнерских отношений государства и гражданского общества способно в перспективе привести к положительным изменениям как в реальной политике, так и в ее оценке населением.

В принципе, в современной России уже сегодня в сфере публичной политики имеются отдельные формы институционального диалога власти и гражданского общества: публичные слушания, гражданский контроль, общественные экспертизы, институт обращения граждан, гражданские инициативы, интерактивные телепередачи с участием представителей власти, работа общественных палат и общественных советов и т.д. Другое дело, что в силу массовой общественно-политической пассивности они далеко не в полной мере реализуют свой потенциал.

Думается, одной из важных мер, способных преодолеть отчуждение граждан от общественно-политической жизни и содействовать более широкому вовлечению неправительственных организаций в сферу публичной политики, могла бы стать, как говорили в советские времена, «активная пропаганда передового опыта» гражданского общества — в первую очередь усилиями СМИ. Люди должны знать и на конкретных примерах убеждаться в том, что гражданское участие может давать (и часто действительно дает) реальные практические результаты; что власть отнюдь не всегда глуха к инициативам общественных организаций — напротив, нередко демонстрирует готовность к конструктивному диалогу. С большой долей уверенности можно предположить, что позитивные примеры успешного и взаимовыгодного сотрудничества власти и общества способны существенно повысить гражданскую самооценку людей.

Наконец, немаловажную роль в преодолении «политической бедности» может и должно сыграть государство. В последнее время оно предпринимает немалые усилия в этом направлении. Это и государственная/муниципальная финансовая поддержка программ НКО; и механизм грантовых конкурсов при выделении средств на поддержку социально значимых проектов; и поддержка благотворительной деятельности, и многое другое. Важно, чтобы такая работа продолжалась, и эта поддержка была постоянной. Причем не только финансовая, но также и информационная, и моральная. Внимательное отношение государства к исходящим «снизу» инициативам, готовность к конструк-

тивному диалогу и сотрудничеству с общественными организациями, безусловно, дадут мощный импульс развитию институтов гражданского общества, сделают их надежным партнером государства и будут способствовать утверждению в нашей стране принципов социальной справедливости.

Литература:

1. Доклад о мировом развитии 2006 года. Справедливость и развитие. Пер. с англ. М.: Издательство «Весь Мир», 2006. 312 с.
2. Урнов М.Ю. Что есть справедливость? (Попытка анализа массовых представлений) // Общественные науки и современность. 2012. № 5. 71–88.
3. Путин В.В. Главный запрос граждан России — обеспечить справедливость [электронный ресурс]. URL: http://media-mera.ru/politics/putin/2011-11-27-glavnyi-zapros-grazhdan-rossii-obespechit-spravedlivost (дата обращения 19.01.2014)
4. Путин В. Россия сосредотачивается − вызовы, на которые мы должны ответить [электронный ресурс]. URL: http://www.izvestia.ru/news/511884 (дата обращения 19.01.2014)
5. Путин В. Строительство справедливости. Социальная политика для России [электронный ресурс]. URL: http://www.rg.ru/2012/02/13/putin-statya.html (дата обращения 19.01.2014)
6. Владимир Путин: «Власть должна быть сильной, последовательной и справедливой» [электронный ресурс]. URL: http://news.sibsosedi.ru/?id=796473 (дата обращения 19.01.2014)
7. Порядок и справедливость — главные ценности россиян [электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=4271(дата обращения 19.01.2014)
8. Социокультурные факторы консолидации российского общества М.: Институт социологии РАН, 2013. 54 с. [электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/inab_2013_01.html. (дата обращения 19.01.2014)
9. Справедливость в российском обществе // Доминанты. Поле мнений. Социологический бюллетень. 24.11.2011. № 47. [электронный ресурс]. URL: http://bd.fom.ru/pdf/d4711.pdf (дата обращения 19.01.2014)
10. О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2013. 400 с.
11. Добрынина Е. Великая русская мечта [электронный ресурс]. URL: http://www.rg.ru/2012/06/14/sociologiya-site.html (дата обращения 19.01.2014)
12. Злобин Н. Как распределить несправедливость [электронный ресурс]. URL: http://www.rg.ru/2013/08/07/sistema.html (дата обращения 19.01.2014)
13. Злобин Н. «Лучше равенство перед законом, чем упования на справедливость» [электронный ресурс]. URL: http://www.russia-today.ru/2012_14_12.htm (дата обращения 19.01.2014)
14. Пономарева Г.М. Справедливость и переходность: проблемы совместимости // Личность. Культура. Общество. 2010. Том XII. Вып. 4 №№ 59–60. С. 73–82.
15. Канарш Г.Ю. Концепции справедливости в российской политике // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. Екатеринбург, 2008. Вып. 8. С. 341–354.
16. Социальная справедливость: как мы ее понимаем [электронный ресурс]. URL:http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114297(дата обращения 19.01.2014)
17. Мареева С.В. Справедливое общество в представлениях россиян // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 16–26.
18. Добрынина Е. Как по-русски «демократия»? [электронный ресурс]. URL: http: //www.rg.ru/2014/01/10/demokratia.html (дата обращения 19.01.2014)
19. Красин Ю.А. Политические аспекты социального неравенства // Вестник Российской академии наук. 2006. Том 76. № 11. С. 971–977.
20. Петухов В.В. Ценностная палитра современного российского общества: «идеологическая каша» или поиск новых смыслов? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 1. С. 6–23.
21. Андреев А.Л. Русская мечта: взгляд социолога // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 1. С. 95–108.
22. Россия 2013: Стат. справочник. Росстат. М., 2013. 62 с.
23. Послание Президента Федеральному Собранию [электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/news/19825 (дата обращения 19.01.2014)

References:

1. Report on the world development of 2006. Justice and development. Transl. From English. M.: Published by “Ves Mir”, 2006. 312 p.
2. Urnov M.Yu. What is justice? (An effort to analyze mass-scale view) // Obshchestvenniye nauki i sovremennost. 2012. № 5. 71–88.
3. Putin V.V. Major demand of citizens is to provide justice [e-resource]. URL: http://media-mera.ru/politics/putin/2011-11-27-glavnyi-zapros-grazhdan-rossii-obespechit-spravedlivost (date of reference 19.01.2014)
4. Putin V. Russia focuses — challenges we must meet [e-resource]. URL: http://www.izvestia.ru/

news/511884 (date of reference 19.01.2014)
5. Putin V. Making justice. Social policy for Russia [e-resource]. URL: http://www.rg.ru/2012/02/13/putin-statya.html (date of reference 19.01.2014)
6. Vladimir Putin: "Power must be strong, consistent and justified" [e-resource]. URL: http://news.sibsosedi.ru/?id=796473 (date of reference 19.01.2014).
7. Order and justice — main assets for the Russian people [e-resource]. URL: http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=4271(date of reference 19.01.2014)
8. Social-cultural factors of the Russian society consolidation. M.: Institut sotsiologiyi RAN, 2013. 54 p. [e-resource]. URL: http://www.isras.ru/inab_2013_01.html. (date of reference 19.01.2014)
9. Justice in the Russian society // Dominant ideas. A scope of opinions. Sotsiologicheskiy bulleten. 24.11.2011. № 47. [e-resource]. URL: http://bd.fom.ru/pdf/d4711.pdf (date of reference 19.01.2014)
10. What the Russians dream about: ideal and reality / Edited by M.K. Gorshkov, R. Krumm, Y.T. Tikhonova. M.: Ves mir, 2013. 400 p.
11. Dobrinina E. A great Russian dream [e-resource]. URL: http://www.rg.ru/2012/06/14/sociologiya-site.html (date of reference 19.01.2014)
12. Zlobin N. How to distribute injustice [e-resource]. URL: http://www.rg.ru/2013/08/07/sistema.html (date of reference 19.01.2014)
13. Zlobin N. "It is better to be equal before the law than to count on justice" [e-resource]. URL: http://www.russia-today.ru/2012_14_12.htm (date of reference 19.01.2014)
14. Ponomaryova G.M. Justice and transitivity: problems of compatibility // Lichnost. Kultura. Obshchestvo. 2010. V. XII. Issue 4 №№ 59–60. P. 73–82.
15. Kanarsh G.Yu. Concept of justice in the Russian policy // Nauchniy ezhegodnik Instituta filisifiyi i prava UrO RAN. Ekaterinburg, 2008. Issue 8. P. 341–354.
16. Social justice: the way we understand it понимаем [e-resource]. URL:http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114297(date of reference 19.01.2014)
17. Mareyeva S.V. Just society in the Russians' perception // Obshchestvenniye nauki i sovremennost. 2013. № 5. P. 16–26.
18. Dobrinina E. What is "democracy" in the Russian? [e-resource]. URL: http: //www.rg.ru/2014/01/10/demokratia.html (date of reference 19.01.2014)
19. Krasin Yu.A. Political aspects of social injustice // Vestnik Rossiyskoy akademiyi nauk. 2006. V. 76. № 11. P. 971–977.
20. Petukhov V.V. Axiological palette of the modern Russian society: "ideological porridge" or search of a new meaning? Monitoring obshchestvennogo mneniya i sotsialniye peremeny. 2011. № 1. P. 6–23.
21. Andreyev A.L. The Russian dream: sociologist's view // Monitoring obshchestvennogo mneniya i sotsialniye peremeny. 2013. № 1. P. 95–108.
22. Russia 2013: Statistical reference. Rosstat. M., 2013. 62 p.
23. President's Letter to the Federal Assembly [e-resource]. URL: http://www.kremlin.ru/news/19825 (date of reference 19.01.2014)